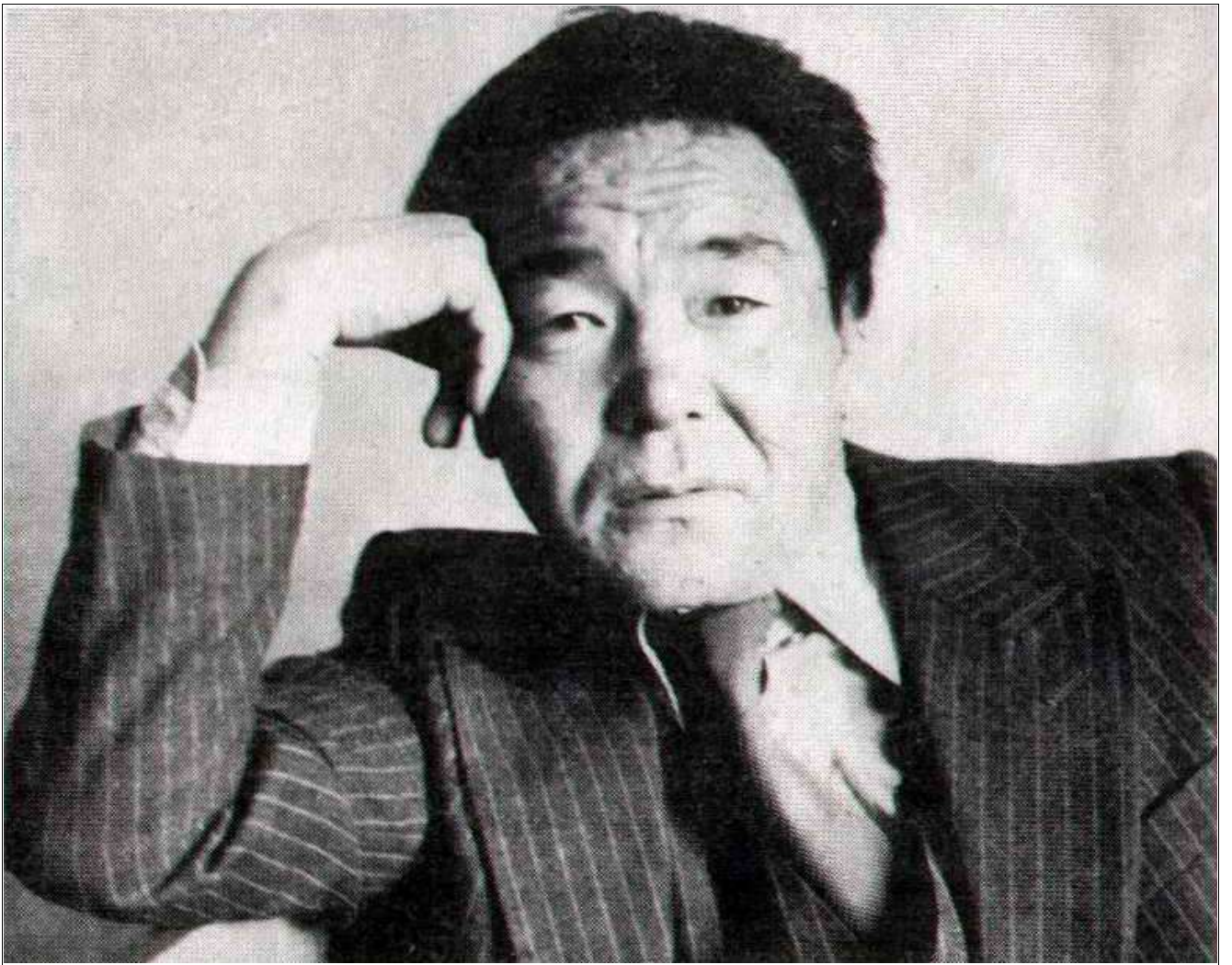

**БОРИС
УКАЧИН**

**НА
МОЕЙ
ВЗГЛЯД...**

ББК 84Р7

Ук 41

Редактор В. Казаков

Художественное оформление В. Кошкарлова

Макет художника-вклейки В. Еврасова

Укачин Б. У.

Ук 41 На мой взгляд: Публицистика, очерки, стихи, воспоминания, литературные миниатюры. (Вступительное слово — автора). Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1996.— 416 с.

Самобытному, известному алтайскому писателю Борису Укачину всегда есть что сказать читателям. В новой и первой подобного рода своей книге алтайский поэт, прозаик и публицист отстаивает свое понимание как чисто творческих проблем, так и проблем национальных, делится своим восприятием творчества других известных писателей, размышляет об истоках национальной культуры, в том числе и алтайской.

У 4702010202—05

М 138(03) 96

ISBN 5-7405-0209-8

ББК84Р7

ДОЛГОЖИТЕЛИ

(О братьях Аднае и Айылчи Туймешевых)

В начале семидесятых годов дошла до меня весьма удивительная весть о том, что на берегу нашего знаменитого Телецкого озера, в заповедном поселочке Яйлю, как гром среди ясного дня, появился какой-то шаман. К приходу теплоходов «Пионер Алтая» и «Яков Баляев» он, якобы во всем своем шаманском облачении — с бубном в руках, громко ударяя по нему орбой, — особой для этой цели колотушкой, — с многочисленными колокольчиками, висящими на ритуальной одежде, появляется на причале, чтобы встретить туристов и гостей Горного Алтая своеобразной пляской и необычными шаманскими песнями...

Как же так! Ведь живых шаманов давным-давно нет во всем Горном Алтае! Если же таковые где-нибудь и существуют, то они, как обычно, действуют скрытно и тайно. А этот, говорят, каждый раз приходит и в открытую поет и пляшет. Некоторые любопытствующие ротозеи, лицемера, стараются сунуть ему какие-то гроши или напоить водкой, многие просто глазеют, в душе потешаясь над стариком. Как же — живой шаман!..

Весть эта заинтриговала и заинтересовала меня не на шутку. Я решил поехать в Яйлю. Очень уж захотелось

взглянуть на него своими глазами. Может быть, это какой-нибудь шутник? Почему до этого я ничего не слышал о нем? Ведь почти ежегодно летом бываю на Телецком озере, на нашем Алтын-Келе — нашем Золотом озере-жемчужине. Бывал и в Яйлю. Ночевал не одну ночь у знакомых там людей и ничего подобного не слышал и не видел. И вот вдруг — шаман!.. Нет, на самом деле, откуда он взялся? Ведь их, шаманов, всячески притесняли, изживали, изолировали вскоре после Октября, особенно в период коллективизации. А раньше, говорят, даже живьем сжигали на кострах, во времена династии Ойротханов, когда на смену шаманизму на Алтае появилась вера в Ак-Бурхана, то есть буддизм. Новые гонения начались в 1904 году. Об этой возвратившейся вере Н. К. Рерих скажет, посетив Горный Алтай в 1926 году, что Ак-Бурхан — это Будда будущего, Майтрея.

Шаманские действия жестоко преследовали как миссионеры, так и бурханисты. Оттого тогда в наших горах и долинах почти исчезло шаманство. Также исчезли шаманские песнопения. Мало-мальские оставшиеся шаманы и их веропоклонники даже боялись вслух произносить слова старинных ритуальных песен.

Когда сейчас познакомишься с текстами их молитвенно-ритуальных песен, то видно, что шаманы несомненно были поэтами. В этом я убедился, например, читая исторические материалы тех далеких от нас времен. В особенности читая и изучая сборник дореволюционного этнографа и, в частности, исследователя алтайской народной музыки Андрея Викторовича Анохина «Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия по Алтаю в 1910—1912 гг.» Он их собирал по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. В его сборнике я вычитал вот и такие, к примеру, поэтические строки...

Движущий солнце и луну,
Перекатывающий белые облака,
Разрушающий черные облака!
Молниеносец, громовержец!
Когда топнет ногой,
Вселенная сотрясается,
Когда сотворит он гром,
У чужестранных людей
От страха сердца лопаются!

В некоторых шаманских молениях слышатся страдания человеческой души и сердца от тяжести жизни, от ее

мученических испытаний: «Будет ли так, чтобы в пуповину нашу грязь не попадала? Будет ли так, чтобы на ресницах наших не было слез?»...

И вот я лечу на вертолете на турбазу Артыбаш, чтобы дальше теплоходом поплыть по Телецкому озеру к Яйлю, где, по слухам, живет новый чудо-шаман.

Приближаясь к желанному причалу, глазам своим я не поверил, увидев человека в шаманской одежде, который ритмично ударяя в бубен, звеня колокольчиками, весело и легко приплясывал на берегу голубого озера, под ярким летним солнцем. До нас долетал его глуховато-громкий голос, как гул из-под земли, слышался стук по бубну. С борта теплохода на него уставились сотни удивленных глаз, слышались щелчки фотоаппаратов. Шаман, видимо, привык ко всему этому, поэтому, не обращая ни малейшего внимания на любопытствующих, продолжал петь и выкрикивать, при этом подпрыгивая и яростно ударяя по круглому, как солнце, бубну коротенькой колотушкой. Шумные туристы, как по команде, тут же быстро спустились по трапу и, выйдя на берег, тесной толпой окружили этого экзотического человека. Я, разумеется, тоже стоял среди этой праздной толпы и внимательно наблюдал за действиями шамана.

Сразу же бросилось в глаза, что одежды его были не настоящие шаманские, а сшиты из черной простой ткани. Словом, на нем был простой халат, скроенный наподобие шаманского костюма. Но колокольчики, висящие на этом халате, и бубен были настоящими. Разноцветные ленточки, украшавшие костюм, видать, купил он тут же в магазине, они были новые и яркие. Глядя на все это, я понял, что никакой он не шаман, а простой веселый, не унывающий старик. Хотя, надо заметить, что слова его ритуальных песен были близки к шаманским.

Один глаз у «шамана» был немножко прикрыт веком, а другой — шустро искрился, горя, ни на минуту непотухающим пламенем далекой молодости. Из-за того, что его один глаз, как у охотника, во что-то прицелившегося, был прикрыт, показалось мне подслеповато-косым потное лицо «шамана».

Он плясал и пел, а среди толпы раздавались голоса:

- Орангутанг...
- Танец туземца...
- Дикий человек...
- Пляски Эрлик-бия...

А может быть, это настоящий снежный человек?..

Мне было почему-то жалко этого веселого и легко пляшущего человека.

А почему бы, подумалось мне, даже в наше высокое, как мы иногда говорим, интеллектуальное время, не быть хотя бы одному шаману? Один-то шаман не перевернет вверх дном всю нашу современную веру, всю нашу идеологию, так же, как один извозчик, положим, в Москве или Ленинграде, всю их культурно-техническую мощь и красоту?..

Когда пронзительно заревел гудок, призывая пассажиров на теплоход, чтобы отправиться дальше по маршруту, то многие не спешили вернуться и скорее занять удобные места. Они продолжали стоять, окружив чудо-шамана, а некоторые даже пытались пуститься в пляс, подражая ему...

...А вечером я сидел в небольшом, аккуратном пятистенном деревянном доме «шамана». Им оказался семидесятисемилетний старик по имени Аднай Каланкович Туймешев из рода чагат. Родился он тут, в Яйлю, в 1896 году. Сын охотника-туба. Туба-кижи — так зовут одно из алтайских племен. У них свой, немного отличающийся от современного алтайского литературного языка, диалект. В научной литературе их называют северными алтайцами.

Аднай Каланкович когда-то в молодости был заядлым охотником и хорошим мастером по дереву. Гнул конные сани, из наростов березы делал красивые национальные седла и прочую пригодную для крестьянина-алтайца утварь. Постоянно живя и трудясь на берегу своего родного озера, среди гор, покрытых сплошным кедром, он также, разумеется, шишковал-орешничал. Беседуя и слушая его, я понял и еще раз убедился, что он никакой не шаман. Однако на всю жизнь запомнил шаманские ритуалы, множество сказок, преданий, притч, песен, легенд, которые бытовали у здешних алтайцев. Его отец — Каланак — был известным сказителем-кайчи, исполнителем народного эпоса. Все то, что слышал от отца, он знал и помнил сегодня.

Хотя было ему, как я уже сказал, семьдесят семь лет, но выглядел он физически очень здоровым и сильным. Большого, крупного телосложения. Большое красноватое лицо, подобное коре старой лиственницы. Пальцы толстые и крепкие, как выдернутые из земли только что мощные морковки.

В тот первый вечер, да и позже в другие наши

встречи, Аднай Каланкович много говорил и шутил. Например:

— За один присест я могу съесть три килограмма медвежьего сала! — утверждал он на полном серьезе.

— Да, именно так. Он не врет, — подтверждала и его жена. Она, кстати, у него русская, значительно моложе своего мужа.

— Это моя вторая жена, — признавался он. — Первая была алтайка. Умерла семь лет тому назад. Дети уже взрослые...

— Я младше его на целых тридцать лет, — не стесняясь, сообщила и «тетя Шура», как к ней шутливо привык обращаться муж. Вдруг она расхохоталась: — Я думала, что этот черт, этот «шаман», поскольку большой добытчик зверей и мастер на все руки, очень богат, потому и вышла за него замуж. А у него, кроме вранья да старого ружья, даже нет хороших портков. Мой первый муж на Прителецком плато был первым садоводом. Здешние фруктовые сады развелись из-за его упорства и стараний.

— Рачкин его фамилия, — уточнил Аднай Каланкович. — Мы были с ним дружны. Жили бок о бок, по соседству. Большой любитель был фруктового дерева! — Затем он опять же шутливо кивнул на «тетю Шуру» и ухмыльнулся: — Она, конечно, скажу тебе чистосердечно, когда я стал свататься, не хотела идти за меня: «Вера твоя, говорит, другая. Шаманская, говорит», — и упирается. Из-за этой русской красавицы, опять же не скрою, а скажу чистосердечно, мне пришлось «изменить» древним своим предкам, отцу и деду — принял русскую веру, православную...

Тут еще пуще засмеялась «тетя Шура»:

— Он, как большой ребенок, я ему сказала шутя, а он все это принял на чистую совесть. Однажды, в один из летних дней, исчез мой Каланкович-то. Исчез надолго. Я думала, он уехал в Артыбаш, к своим детям и родственникам. Но он, оказывается, ездил в Бийск, окреститься... Гляжу, Каланкович появился опять тут, дома. Показывает мне крест, мол, перенял твою православную веру и плачет, поверите ли... Плачет горькими слезами, что изменил своим предкам из-за меня. Давай, говорит, сквозь слезы, теперь выходи за меня замуж, иначе не буду жить, утону или застрелюсь... Мне стало его очень жалко.

— Очень мне было страшно на это решиться, — тихо признается Аднай Каланкович. — Но что поделаешь, в

груди моей старой проснулась вдруг молодая любовь... Я тебе скажу по секрету, что любовь — штука самая коварная. Она на все пойдет, толкнет тебя на самое черное дно могильной ямы.

— А сколько было вам лет, когда женились вторично?

— С тех пор прошло уже пять лет,— опередила Адна Каланковича «тетя Шура».— Считайте, черту этому, шаману, тогда было от роду аж семьдесят два года...

Мне показалось, что это самый удобный момент, шутки ради, задать Аднаю Каланковичу тот главный вопрос, который меня щекочет и интересуется, как только я начал беседу с ним:

— А вы, Аднай Каланкович, изменив ради любви своей древней вере, почему начали камлать, да на виду всего народа?

Он, нагнув большую лысеющую голову к широкой груди, глухо засмеялся, надолго закашлялся, задыхаясь от смеха, потом, посмотрев на меня, тем же шутливо-веселым голосом ответил:

— Я ждал от тебя такого вопроса. Только что говорил и доказывал тебе о коварстве любви. Теперь послушай о коварстве славы. Кто не любит ласковых слов и славу?.. Человек, даже стоя на краю могилы своей, хочет знать— останется ли позади него какой-то след. Раньше я боялся петь и особенно вслух произносить шаманские слова. Вдруг опять засунут в проклятую тюрьму. Пел только далеко в горах, во время охоты. Один, для себя,— начал он свой рассказ издалека.— А вот в начале нынешнего лета, как только начали по озеру ходить первые теплоходы, с ними вместе приплыли сюда какие-то большие ученые и пришли ко мне. Разговорились. Они оказались казахскими учеными. Из теплого города Алма-Ата. Они спрашивают: «А ты живого шамана видел ли?» Я им говорю: «Видел и даже помню, как они пели и плясали». Ученые-казахи развеселились: «Давай, говорят, попробуй, покажи нам, как шаманы пели и плясали».— Конечно, подливают мне водку, чтобы мой веселый нрав и дух не погас.— А я спрашиваю у них: «Вы не шутите, не хитрите?»... «Нет, говорят, дед, мы спрашиваем серьезно, для науки, ради большого дела». «Боюсь,— говорю им, казахским-то ученым,— вдруг вы меня в тюрьму посадите». «Такие времена уж давно прошли. Не бойся, от имени аллаха самого просим тебя»,— настояли и одолели меня. Я им немного спел и тут же, в избе моей, при «тете Шуре», сплясал шаманские танцы...

— Таким его я впервые тогда увидела, — признается «тетя Шура». — Ох, тогда я сперва смеялась, глядя на шамана-мужа, а потом, поверьте мне, испугалась: он пляшет и нечеловеческим голосом орет. Думала, что с ума сошел. Начала подозревать этих казахов: не напоили ли деда чем-то дурным.

— Они слушали, слушали меня и говорят: «Давай, Аднай Каланкович, мы будем тебя записывать на особом аппарате и снимать в кино, — перебив жену, продолжил старик. — Я долго отказывался и под конец согласился. Согласился опять же из-за любви к моей «тете Шуре». Она и уговорила меня. Говорит, что раз нужны твои пляски и песни добрым людям, нашим ученым-гостям, что отказываешься... Они же тебе готовы дать большие деньги и готовы с собою увезти в теплый город Алма-Ата. Так все это началось. По их просьбе и настоянию сшил я наподобие шаманской шубы халат из ситца, сделал бубен. А гости наши — алмаатинские ученые — жили недалеко у озера, в палатках. Жили почти месяц. И вот пришел день записывать и снимать меня в ихнее кино. Снимали среди белого дня у озера. В это время как раз к причалу подходил теплоход. Туристы, конечно, заметили все это. Как бы ученые их не просили и даже пытались гнать, чтобы не мешали им работать, но любопытные не хотели уходить. Все глазели, шумели, толпились возле нас. А я пел и плясал, плясал и пел. Вот отсюда все и пошло-поехало... Я сразу же стал в Яйлю знаменитым человеком... Стали ко мне приходиться другие люди, просили, клянчили спеть им песни под звуки и гром шаманского бубна. Слава моя ширилась и полетела черт знает куда...

Аднай Каланкович рассказывал, а жена его одобрительно поддакивала. Тем временем, содержимое в его графинчике, что стоял на низеньком столике, все ниже и ниже опускалось.

— Наконец мне надоело паломничество, в особенности туристов, да и местных жителей. И я решил добровольно выходить каждый раз к теплоходу на причал. Так, что, поэт, слава тебя сможет не только возвысить до небес, но и нечаянно толкнуть на дно черной ямы. Берегись, говорю, поэт, любви и славы!..

В пяти шагах от него, как выяснилось, живет двоюродный брат Аднай — Айылчи Кундулешевич Туймешев — сын брата его отца. Тоже сказочник. Тоже легок на язык. Кстати, участник Великой Отечественной войны.

«Тетя Шура» сбегала за ним. Когда он пришел, я заметил, что у него густые, как две черные птицы, брови, такие же густые — ни одного белого волоска, усы. Ему было пятьдесят девять лет. Но выглядел он значительно моложе своего преклонного возраста. Но голова была почти лысой. На темени торчали реденькие волосики, обнажая темно-коричневую кожу. Когда Айылчи Кундулешевич начинал говорить, кожа темно-коричневого темени как-то странно шевелилась, как бы опускаясь вместе с дыханием, то вверх, то вниз.

На какой-то миг, вероятно, я испуганно остановил взгляд на его «движущемся темени» и это не прошло мимо острых глаз Айылчи Кундулешевича. Он красиво, как-то округло, что ли, улыбнувшись, сказал:

— Что, испугался?.. Не обращай внимания. У меня нет черепной кости на темени.

— Отчего? — Невольно спросил я тут же.

— Думаешь, что я таким появился на свет? — Также мягко улыбнулся Туймешев-младший. — Ранение было в голову...

— Во время операции врачи у брата с головы удалили черепную кость, — сообщил Аднай Каланкович. — Живуч мой брат, живуч... Не надо было пойти на это. Надо было, как я, обратиться в свое время к хозяину родовой горы Абаган...

— Вспомнишь тут о родовой горе, — все также мягко улыбался Айылчи. — Спасибо военным хирургам, что жив остался, вернулся в родные места...

— Ты сам не знаешь, как из крови и пожара войны тебя живым вытащил белобородый хозяин нашей родовой горы Абаган, — почти серьезно вставил старший.

— Продолжай гнуть свою прежнюю дугу, — махнул рукой на Аднай Туймешев-младший...

Вот такие люди мне встретились тогда в Яйлю. Разные, интересные судьбы у этих двух Туймешевых. В то же время что-то у них, безусловно, было общее, одного корня и духа. Оба брата хорошо умели играть на алтайских музыкальных инструментах — на топшуре, шоре-дудке да на комусе. Оба хорошо знали народные песни, сказки и легенды. Можно сказать, что я у себя под боком случайно обнаружил целый клад с редкими драгоценностями.

В тот вечер, перебивая друг друга, рассказали они мне немало легенд, бытующих среди таежных людей — йышкижи.

— Кудай-бог сотворил семь ханов,— начал первым Айылчи Кундулешевич Туймешев и, посмотрев на меня глазами из-под густых бровей, как два маленьких черных солнца, вдруг спросил: — Скажи, поэт, а ханы рядом друг с другом смогут жить мирно?.. Нет! — Уверенно ответил он сам себе, чтобы продолжить начатую легенду.— Через семь лет Кудай спустился с небес на грешную землю и видит, что ханы передрались и перессорились. Как быть и что с ними делать? Бог заклил их навеки, зашвырнув на самое дно таинственного неба. Они там превратились в семь звезд.— Айылчи Кундулешевич неожиданно вскочил на ноги и предложил: — Давай, дорогой брат, выйдем на улицу и покажем поэту этих бывших ханов.

Запрокинув головы к ночному звездному небу, мы довольно долго стояли во дворе дома Адная Каланковича, не прерывая разговор об этих злых и жадных ханах. Айылчи, протянув короткую руку на небо, показал на Большую Медведицу:

— Вот они над нами и над нашими вечными горами стоят, эти бывшие ханы. С тех далеких пор, как Бог их превратил в звезды, воевать между собой и, как прежде, жадничать они больше не могут. Навсегда прикованы к великому и вечному небу...

— А вот другая наша алтайская легенда,— не выдержал Аднай Каланкович.— Кудай также сотворил трех чудо-жаб: Кровенисто-Красная Жаба, Молочно-Белая Жаба, Безукоризненно-Черная Жаба. Они так же, как эти злые ханы, были опасными друг для друга. От них страдал народ... Молчи, молчи, брат, я сам расскажу—объясню гостю-поэту. Кровенисто-Красная Жаба — Это значит, будет Солнце-Бог, Молочно-Белая Жаба — Богиня-Луна сама, а Безукоризненно-Черная Жаба, ты теперь сам должен догадаться, это, конечно, наша родная Земля. Понял теперь? А вот, чтобы они друг другу не мешали и дали возможность народу мирно жить, Кудай-бог привязал их невидимыми нитями к звезде, которую по-алтайски зовут Золотой Кол — Алтын-Казык. А по-русски-то, как ее зовут?.. Стало быть, Полярная звезда? Пусть будет Полярной, звезда эта. Как закованная в глубину неба коновязь, всегда стоит она на одном и том же месте. Никуда и никогда не двигается. Вот она-то крепко держит этих трех жаб, не допуская сблизиться друг с другом, иначе, сам понимаешь, быть великой беде на земле и на небе...

Мы вошли в дом. Жена Адная Каланковича уже спала

в дальней комнатухе. Хозяин налил помаленьку из графинчика и снова заговорил о Жабах:

— Если не веришь, что звезда Золотой Кол вечно стоит на одной и той же точке, то прицель на нее ружье и когда бы ты ни пришел и посмотрел, на его мушке будет маячить эта самая всеильная и чудесная небесная коновязь,— закончил старик свой очень красивый, даже очень, мне кажется, современный древний рассказ.

— Поэт,— обратился ко мне Айылчи Кундулешевич,— а ты знаешь, сколько всего дыр у человека? — И, не дождавшись ответа, громко расхохотался.

— Это должен знать любой человек,— смеясь, добавил Аднай. — Давай, давай, поэт, не стесняйся, скажи, сколько дыр у каждого из нас, грешных?

— У человека всего девять дыр! — Почему-то громко утвердил Айылчи.— Семеро из этих дыр находятся на головном шаре человека, а о двух остальных догадайся сам,— оба брата смеялись до слез. Я тоже, конечно, смеялся, но все же ожидал куда они клонят и к чему?..

— Числа семь и девять считаются у нас священными,— напомнил мне Айылчи Кундулешевич.— Все эти числа находятся в нас самих. Отсюда, думаю, что каждый человек свят. Умрет человек — живые отмечают-поминают его через семь или девять дней. В народе говорится, что после смерти через семь дней бессмертный дух и душа человека понимает, что тела не стало, что он покинул навеки грешную землю, находящуюся под солнцем и луной...

— Число семь — это голова человека, на которой находятся семь дыр,— продолжил речь брата Аднай,— а голова подобна самой матушке-земле. Не так ли, поэт?.. А девять, наверное, это весь человек — его тело, кровь, кости и бессмертная душа.

— Девять — это и вся Земля, и Небо, и Луна, и Солнце,— начал расшифровывать Айылчи,— под священным числом девять древние мудрецы, наверное, подразумевали всю бесконечную Вселенную... А может быть, все не так, как мы говорим и думаем, кто знает,— как-то тихо закончил Айылчи Кундулешевич и посмотрел на меня вопросительно.

— Трудно сказать,— вынужден был я вымолвить,— но все равно интересно. Очень интересно! Продолжайте, магнитофон мой работает.

— Давай пополощем просохшие горла свои,— потя-

нулся Аднай Каланкович к графинчику. Затем, осушив свою пиалу, ни к кому не обращаясь, сказал: — А не настала ли пора всем опуститься на землю.

— И земная жизнь хороша, — поддержал его брат, — жив остался — живу!

— Ты, поэт, до сколько колен знаешь свой род? — Совсем по-домашнему вдруг обратился ко мне Аднай.

— Отца звали Укаачи, — сказал я, — а его отца, Тоднаш, отца Тоднаша звали Байарты, а дальше не помню...

— Значит, знаешь всего до трех колен и то хорошо, — одобрил Аднай Каланкович. — Нынче молодежь не считает нужным знать своих предков. Алтаец должен знать свое родословие, хотя бы до семи колен...

— Как видишь, — опять же неожиданно выскочило то самое священное число семь, — обрадованно, но мягко вставил Айылчи.

Аднай не обратил внимания на это, начал перечислять свою родословную.

— Я, Аднай, сын Каланка из рода чагат, отца моего отца звали Туймешем, а его отца — Саспак, Саспака отец — Маньки, отца Маньки звали Байтаром, а у Байтара отец — Балдан...

— А враги у тебя есть, поэт? — неожиданно Айылчи перешел совсем на другую тему, когда брат закончил перечислять имена своих предков.

— Трудно жить без врагов-то, — шутливым тоном ответил я. — Враги тебя берегут от ошибок, сами не зная того, что делают тебе добро; учат быть бдительным и мужественным. Готовым быть ко всяким превратностям судьбы.

— Молодец! — Почему-то похвалил меня Айылчи и обратился к брату. — Ты в какой-то мере есть шаман. Главный враг всех шаманов — подземный злой бог Эрлик-бий. Однако, спасая человека, шаманы шлют проклятья и к Эрлик-бию. Ты забыл рассказать одно из своих проклятий нашему гостю. Расскажи, пусть он запишет. Может быть, когда-нибудь оно ему пригодится, коль говорит, что не может жить без врагов, без их помощи, — и опять засмеялся.

— Да, забыл, запиши! — Закричал Аднай Каланкович, — коль имеешь врагов, запиши, понадобится когда-нибудь. Вот тебе «Проклятье врагу»:

Если ты пришел с пылающей головней —
Первым пускай пламя тебя сожрет!

Если ты пришел, жадюга, ко мне с войной—
Первой пускай юрта твоя падет!

Пусть мне поможет Ульген, добр и велик,
Правду мою отстоять, выиграть честный бой,
Пусть из глубин земных выйдет злобный Эрлик
И в вековечный мрак тебя унесет с собой.

Пусть я увижу в бою
Жалкую спину твою.
Конь твой, споткнувшись, пускай
Шею ломает свою!
Черный ворон — Кускун—
Клюет глаза твои пусть!

Черная пасть земли
Тело поглотит пусть!

Черная тяжесть земли
Ребра ломает пусть.
Чок, чок, чок база!
Пусть! Пусть! Пусть!

(Перевод И. Фонякова)

Аднай Каланкович Туймешев, надо сказать, был одновременно мудрым и наивным, как ребенок, человеком. Он искренне верил в то, о чем говорится в легендах и сказках. Думал, что все это действительно когда-то было именно так, а не иначе, или будет в будущем, как это сказано в устных народных творениях. Например, он совершенно серьезно рассказывал мне весьма печальную, а по наивности едва ли не смешную историю из своей жизни:

— В 1937 году, когда я уже работал председателем местного сельского Совета, неожиданно меня арестовали и посадили в тюрьму. Обвинили, что я — шаман. Мои, услышанные от родного народа и запомнившиеся с детства песни, сказки, пословицы и поговорки считали делом не добрым, а черным. «Пропагандируешь, агитируешь шаманизм поганый!» — сказали мне. А я не знал, что при новой-то власти петь старинные песни нельзя. Так попал я в тюрьму. Целый год держали и допрашивали. Врагом собственного народа считали. Удивительно, как я могу быть врагом тубаларов, живя и всю жизнь работая среди них. Был я до этого даже красным партизаном. За красное знамя бил беляков. А тут вдруг — враг народа!.. Ровно год держали в кутузке. Потом отпустили, слава Кудай-богу великому за это!.. Я точно знаю, что мне помог хозяин нашей родовой горы Абаган, — уверял старик.

— А как он вам помог-то?

— Находясь в тюрьме,— без тени шутки рассказывал Аднай Каланкович,— находясь там, я обратился к хозяину горы Абаган с такими словами:

О, Хозяин великой и вечной горы Абаган,
Отцами и матерями благословенной горы Абаган,
За железными решетками,
В сырой и холодной клетушке я сижу,
Честной и чистой души сын Каланка
Из древнего рода чагат,
Умирая от голода и холода, мучаюсь,
Помогите!
За что я так мучаюсь, за какие грехи меня,
Аднай, родившегося у подножья
Священной горы Абаган,
Решили так терзать и позорить?!

Я никогда никого не убивал,
Коня по голове не бил кнутом,
Щенка новорожденного не топил
На нашем великом и чистом озере Алтын-Келе!
Об этом вы сами знаете, великий Хозяин
Великой горы Абаган.
Вы разве не помните, забыли меня?
У меня осталось множество полуголодных детей
У Вашего подножья, священная гора Абаган,
На берегу нашего золотого Алтын-Келя,
Я должен поставить их на ноги,
Я должен выхаживать честным трудом скот,
Косить траву, по Вашей милости ходить на охоту,
Помогите мне, великий Хозяин великой горы Абаган!
Вспомните меня, я — Аднай,
Сын Каланка из Вашего рода чагат...

Я ни перед кем не виноват—
Ни перед родной землей,
Ни перед великим небом,
Зависти черной не имел никогда,
Людям плохого не делал никогда,
Помогите, помогите, помогите!..
О, Хозяин великой горы Абаган,
Отцами и матерями благословенный,
Белым молоком белой кобылицы
Опрысканный, наш Абаган!..
Помогите, честному сыну природы Алтая,
Сыну честного алтайца Каланка,
Росшего у подножья горы Абаган!

(Подстрочный перевод.— Б. У.)

С этими словами, будто бы Аднай во сне пришел к родовой горе Абаган. Он был принят якобы самим Хозяином этой горы. А святой-то дух этой горы, как убеждал меня сам Аднай Каланкович, был весь белым:

одежда белая и легкая, борода до пояса, тоже белая и чистая. Он спросил у сына Каланка из древнего рода чагат:

— А был ли ты, сын мой, в подземном мире, у злого и могучего Эрлик-бия? К нему тоже надо съездить. У него тоже надо просить помощи, чтобы он не торопился забрать тебя туда, в свое подземное черное царство.

— Я с помощью Хозяина нашей родовой горы спустился к Эрлик-бию, — продолжил свой рассказ Аднай. — Поведал Эрлик-бию все, что приключилось со мной, чистосердечно. А он весь в черном. Только красные глаза где-то там сверкают и горят. Перед самым моим уходом вдруг Эрлик-бий спрашивает: «А ты был у Хозяина своей родовой горы?»... Это хорошо, — сказал мне Эрлик-бий, — что был у Хозяина горы Абаган. Ступай теперь обратно. Мы поговорим с ним о тебе и решим. Скажи, грехов-то больших у тебя на самом деле нет?»

— Только один грех у меня, — пришлось слукавить перед Эрлик-бием. — В своих песнях хвалил и славил, кажется, я вас, подземный царь и бог.

— Это хорошо! — Одобрил меня и обрадовался он. — Иди. Ты еще нужен будешь там, на земле, под ярким Солнцем-богом. Я пока тебя трогать не буду.

Аднай Каланкович Туймешев, тогда семидесятилетний старик, искренне верил всему тому, что рассказывал мне, сидя в своем доме и старался в этом убедить меня:

— Проснулся я утром в тюрьме. Тамошние начальники сами пришли ко мне и говорят: иди домой. Ты — честный, чистосердечный сын Каланка из древнего рода чагат. Ничего плохого не делал ты, Аднай, против своего черноголового и малочисленного народа! — Весьма серьезно закончил Аднай Каланкович свой «очень правдивый» рассказ. — Если бы мне тогда не помог Хозяин нашей родовой горы, то мне бы сгнить там, в тюрьме. Слава великой и вечной горе Абаган!.. Слава ее белобородому и мудрому Хозяину!..

А может быть, кто знает, он, старик и сказочник, фантазер и немножко враль, так ловко и незаметно издевался, подшучивал надо мной, а?.. Ибо, после своего рассказа, он вдруг широко улыбнулся и весело тут же сказал:

— Я от тюремных начальников хотел было потребовать мзду за то, что целый год сидел у них и страдал. Но этого не сделал. Так и ушел, некогда было. Соскучился

я по детям и по родным горам. Так и ушел, не получив положенную мне зарплату за тот черный год...

Его двоюродный брат Айылчи Кундулешевич, сидевший тут же, рядом, лишь подмигнув мне хитрыми глазами, однако против Адная ничего не сказал, лишь неопределенно буркнул:

— Сказкам надо верить! Они созданы великим умом всего народа.

После недолгого молчания Айылчи тихо пожаловался: — Вот мои дети не знают моих же сказок. Не интересуются и даже не хотят знать, — и, покачав головой, добавил: — А в будущем наши потомки будут ли петь на родном языке или все пропадет прахом?!..

... Есть о чем беспокоиться. Если подумать на эту тему с высоты наших дней, с высоты конца двадцатого века, то, хотя мы пишем стихи и прозу, выпускаем книги, но тем не менее надо признаться — все же работаем плохо. В школах плохо преподают родной язык и литературу. На это серьезного и коллективного, всеобщего, что ли, внимания нет. Поющих родные мелодии людей даже в деревнях меньше стало с годами, не говоря об игре на старинных национальных музыкальных инструментах. Молодежь разговаривает и пишет на каком-то «пестром» языке, перемешивая русские и алтайские слова... Кто в этом виноват? Конечно же, мы, родители, прежде всего. Если мы сами не станем ревнивыми хранителями своего языка, не будем усердно бороться за развитие его, не будем собирать и печатно фиксировать все то, что имеется в народе, в его древнем фольклоре, за нас никто это не сделает. Современные алтайские писатели, ученые-фольклористы, историки и учителя да и руководящие товарищи, быть может, более всего в большом долгу перед своим народом и перед будущим. Если одно поколение не будет передавать все то, что знает следующему, — не будем кривить душой, — то дело это весьма чреватое, скажем прямо. Так постепенно мы можем убить свое искусство — чудный, родной язык, народные мелодии, вместе с ними все музыкальные инструменты.

Век наш — атомно-технический. Техника никогда в душу человека не вселит зерна прекрасного. Сейчас у многих алтайцев имеются собственные «Москвичи» и «Жигули». Им этого мало. Соревнование идет ныне за личные «Волги». «Москвичи» и «Запорожцы» считаются этапом уже пройденным. Вот почему многие алтайские юноши даже не умеют седлать, скажем, коня. А распрек-

расные девушки под корову родительскую не садились, не умеют доить ее, даже родившись и живя в деревнях.

... Записывая различные сказки и легенды, я у Адна Каланковича Туймешева жил тогда несколько дней. И поскольку в то время работал в областном телерадиокомитете, решил сделать о нем радиоочерк, воспроизвести его «живой голос», как он поет народные песни, как умеет рассказывать сказки. После моего возвращения, через какое-то время, впервые в эфире нашего радио прозвучал голос и пение этого удивительного старика. Передача моя заинтересовала слушателей. Полетевшие через горы и веси Горного Алтая песни Адна Каланковича полюбились людям. Я был очень рад своему, так сказать, «открытию» еще одного мудреца и сказочника в гуще родного народа.

Личностью Адна Каланковича после этого заинтересовались сотрудники Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. К нему стали ездить наши ученые-фольклористы и литераторы. Его начали приглашать в Горно-Алтайск для записей.

После той, первой встречи с долгожителями с берегов Телецкого озера — Аднаем и Айылчи Туймешевыми — я еще не один раз гостил у них, вновь и вновь записывая, слушая и беседуя с ними.

В каждый свой приезд в Горно-Алтайск, Адна Каланкович приходил ко мне домой. Хотя сотрудники института старались его устроить в отдельном номере гостиницы, но старик мало там находился. Видать, не любил «городское» одиночество. Ходил по гостям. Его охотно приглашали к себе ученые, поэты. Однажды Адна Каланкович, сидя в моем доме, рассказал о том, как охотники заклинают медвежьей головой. Меня очень тронул его рассказ. Такого ритуала, например, у алтайцев Южного Алтая уже нет, видимо, позабыт древнейший обычай. После его прозаического рассказа у меня родилось впоследствии вот такое стихотворение:

ЗАКЛИНАНИЕ МЕДВЕЖЬЕЙ ГОЛОВЫ

Я, охотник Аднай, сын Туймеша,
В заповедных горах вырастая,
Никогда, клянусь, не стремился

Истребить всех зверей Алтая.
И медведя с целью убийства
Не преследовал никогда я!

Повелитель всех зверей Алтая,
Дедушка Медведь!
Разве чем прогневал вас когда я,
Дедушка Медведь?

Разве мало в пищу вкусных зверей
Вам давали леса Алтая?
Разве мало орехов роняли с ветвей
Перед вами кедры Алтая?

Для чего же съели вы у меня
Моего охотничьего коня?
Для чего, от жилья моего вдали,
Путь мой первым пересекли?

Почему вы так ожесточились:
Может испытать меня хотели?
Думали: не женское ли сердце
Прячется в мужском могучем теле?

Думали: а вправду ли метка
У меня, охотника, рука?
Повелитель всех зверей Алтая,
Мудрый, уважаемый Медведь!
Повелитель всех зверей Алтая,
Грозный, почитаемый Медведь!
Вашу голову большую
На живой огонь кладу я—
Пусть насытится Батюшка-Огонь!

Вашу голову большую,
Вашу голову святую
Я не перешагивал, отнюдь!

Значит, дух ваш возродится,
Пусть он в горы возвратится
Рассказать зверью и птице,
Что Аднай, охотник, сын Туймеша,
Наставленья предков не забыл!

Пусть убийство мудрого Медведя

Не зачтется мне виной:
Не виновен я перед Медведем,
Он был виноват передо мной!

Чёк, чёк, Батюшка-Огонь!
Чёк, чёк, Батюшка-Огонь!

(Перевод И. Фонякова)

Стихи эти, когда я их напечатал, как обычно, на алтайском языке, неожиданно вызвали у некоторых малознающих литераторов и горе-ученых сомнения и споры: они упрекали меня, мол, у алтайцев нет такого ритуала. Это наблюдается, мол, лишь у народов Тюменского Севера. А для нашего народа — это неизвестно и чуждо. Явно подражаешь манси-поэту Ювану Шесталову. Все это идет якобы от его «Языческой поэмы».

Но ведь эти народы живут в низовьях Оби, истоки которой, как известно, находятся у нас, в горах Алтая. Разве не было с ними древних связей? Это ли не подтверждение тому, что я услышал от Адна Каланковича Туймешева, который и знать-то не знал и не слыхивал о хантах и манси. Выдумать подобное я, конечно, мог бы и сам. И все же не выдумка это и старого Адна Каланковича!..

Между тем стихи эти и нашим поэтам подали пример, достойный продолжения, вдохновив и пробудив их. На фольклорную поэзию стали смотреть совсем иначе, чем в 50—60-е годы. Эстафету эту раньше всех, легко и быстро перенял наш, в то время молодой поэт Бронтой Бедюров, с которым мы еще раз съездили к Аднаю. Яркими примерами тому являются многие его вещи, написанные и напечатанные несколько позже моих «заклинаний», «молитв», «благопожеланий», «монологов» и «обращений», в основе которых, безусловно, наличествуют фольклорные мотивы алтайского народа. К этому побудили его научные изыскания, которыми он вплотную занялся именно в те годы.

Вот некоторые названия его стихов: «Оплакивание убитого Медведя», «Плач Медведицы по убитому детенышу», «О языке и обычаях охоты», «Колыбель Умай-эне», «Слово Огню после удачной охоты», «Обращение охотника Адна к родовой Горе» и многие другие. А позже он назовет один из своих сборников, почти полностью состоящий из стихов, написанных на основе свода жанров устного народного творчества, «Языческим ковчегом».

Я этому рад, скажу прямо, как никто другой из наших поэтов-современников.

Конечно, никто не имеет особых привилегий на родной фольклор. Лишь замечу, что открыть что-нибудь новое в литературе, даже используя приемы и клише того же устного творчества народа, дело не совсем простое и легкое. Ведь это наше непреходящее великое наследие! Надо быть находчивым самому, уметь зажигаться от удачных находок и открытий, но, конечно, по-своему, в силу собственной поэтической индивидуальности.

Лет несколько тому назад я написал цикл стихов «Алтайский лунный календарь», куда вошли двадцать четыре стихотворения о двенадцати алтайских месяцах и о двенадцати алтайских годах. Каждое стихотворение о месяцах, например, состояло соответственно из двенадцати, а об алтайских годах — каждое было по двадцать четыре строки. После меня, через какое-то время, из-под пера нашего поэта Аржана Адарова, гляжу, вышел цикл стихов на эту же тему, то есть о двенадцати алтайских месяцах и годах. Получилось своего рода творческое состязание... Да, думается мне, можно нам даже соревноваться, создавая оригинальные произведения на общей народно-поэтической основе, как это вольно или невольно получилось у меня и Аржана Адарова. Выиграем мы все, вся наша литература. А уж кто лучше или хуже сделал и воплотил, рассудят потомки, время и пылливый читатель...

И вот то вечное, великое, что ищешь всю жизнь, может лежать совсем близко, рядом, как говорится, под ногами, но не всеми это замечается, к сожалению. Близок локоть, да не укусишь! Да, еще учиться и учиться нам всем, искать, находить, открывать...

...Аднай Каланкович Туймешев — один из мудрых и самых веселых, по-детски цельных людей, которых я встречал на довольно долгом жизненном и литературном пути своем. Он прожил почти девяносто лет и умер на берегу все того же Телецкого озера, у подножья горы Абаган, в маленьком поселке Яйлю. Нет, он не умер, а ушел туда, вглубь своей родовой Горы, к природе своей...

...А его двоюродный брат Айылчи Кундулешевич Туймешев из того же древнего телесского рода чагат жив и здоров. Он, как и прежде, живет там же, в Яйлю. Посреди красот с малолетства родных ему мест, по-прежнему гостеприимно встречает приезжих людей, щед-

ро раздаривает им свои сказки и легенды. Над его головой все также белеет снежная вершина его родовой горы Абаган. Недалеко от его дома тихо плещет неутихающими волнами и сверкает так же родовое, как и Абаган, озеро — Алтын-Кель.

Как хорошо, что были и есть такие люди среди моего малочисленного, но великого духом алтайского народа! И верится мне, что пребудут они вечно!

1985 г.